

Частная младшая школа. Начало июня.

Акаши Сейджуро мало общался со сверстниками. Обычно он просто наблюдал со стороны, как сегодня, никем не интересуясь — отец часто говорил, что каждый, кто хочет с ним подружиться, наверняка просто ищет возможности выбиться в люди за счет влияния семьи Акаши. В одиночестве сидеть часто неинтересно, но все равно никто в четвертом классе младшей школы не сможет составить ему компанию за игрой в сеги — детям подобное неинтересно. Поэтому большие перемены мальчик проводил, играя сам с собой и решая игровые задачи из большой книги-самоучителя.

Без подсказок: он ведь достаточно умен, чтобы самостоятельно решить любую задачу, даже если на то, чтобы вывести своего Короля из тупика, уйдет несколько часов.

— Кири-тян, я тебя ненавижу! — девчачий выкрик из коридора заставил мальчика обернуться: ссоры между ученицами — нередкая вещь, однако, кажется, за пару лет девочки начали питать ненависть лишь к одной единственной, к его однокласснице, обладательнице густых золотых волос и кукольной внешности. Забавно получалось — все девочки объединились против общего врага. Странно только, что сама их «жертва» никак не реагировала на подобные высказывания. — Ю-кун хочет играть только с тобой! Я так старалась ему понравиться, но он постоянно смотрит только на тебя! И другие мальчики тоже! Верни их внимание, которое ты украла! Верни!

Акаши это, конечно же, не касалось — да он и не собирался лезть в девчачьи разборки, но визги из коридора были настолько громкими, что игнорировать их было почти невозможно. Он встал из-за парты и подошел к двери: наверное, стоило это прекратить. Мама всегда говорила, что ссоры нужно пресекать во что бы то ни стало, так как ничего хорошего они не несут, но вмешаться мальчик просто не успел: стоя напротив группы девочек в одинаковых платьицах и беретах, Кири-тян вдруг заговорила сама:

— Аюму-тян, Ю-кун и другие ведь не куклы, которых можно отобрать или отдать. Они все — живые люди. Я не могу решать за них, с кем им дружить. Матушка говорит, что никто в этом мире не может решать что-то за другого человека, — на лице златовласой не отобразилось ни толики эмоций: она смотрела прямо на толпу, противостоящую ей, без страха, без сомнений, без злости.

Аюму же, кажется, после ее слов разозлилась лишь сильнее.

Один удар, и на нежной фарфорово-белой девичьей щеке образовалось алое пятно. Кири даже не ойкнула — наверное, это уже стало нормой.

— С тобой никто не будет дружить! — прокричал кто-то из девчонок в толпе.

— Ты заносчивая, поэтому у тебя нет друзей!

— Красноглазая ведьма! — вторили ей другие, а после, с чувством выполненного долга, разбежались, оставляя девочку одну в коридоре, а она даже не заплакала, лишь тронула пальцем покрасневшую щеку и раскрыла притворенную дверь в класс, нос к носу сталкиваясь с Акаши.

Мальчик в ответ просто сделал шаг назад: неужели заметила, что он все это время стоял и наблюдал за ними? Девочка недоуменно моргнула, потом вдруг лучезарно улыбнулась:

— Извини. Я встала на пути?

— Тебе не больно? — вопрос, вертевшийся на языке, вылетел из уст Сейджуро совершенно произвольно.

Улыбка на лице девочки померкла, исказилась, златовласая опустила голову и неловко пожала плечами:

— Не больнее, чем упасть в розовый куст или когда наступают на ногу. Хорошо, что форма не пострадала. Матушка бы ругалась.

— Ты даже не хочешь сходить в медпункт и сказать кому-то об этом? — ее ударили, а она беспокоится за свою форму? Девочка казалась Акаши странной: неужели ее всё устраивает? Почему не скажет взрослым? — Если ты расскажешь учителям, у них будут неприятности.

— Если я кому-то скажу, меня снова толкнут в бассейн, — Кирари-тян отрицательно покачала головой: — а я не умею плавать. Это закончится, когда начнутся тесты. Если я снова хорошо их напишу, мальчики обидятся и от меня отстанут. Надо просто потерпеть.

Странно получалось — значит, чтобы она не сделала, то все равно останется ни с чем и самой крайней? Но ведь раз она попала в эту школу, значит, ее семья должна быть довольно уважаемой. Плата за такую частную школу была неподъемной для обычных семей среднего класса. Почему же девочка просто не расскажет о том, как с ней обращаются, своей семье?

— Разве твои родители не могут с этим ничего сделать? — после этого вопроса Кирари-тян взглянула на него так, будто услышала несусветную глупость.

— Вы ведь из семьи Акаши, да, — ее голосок, недавно грустный, очерствел, в нем слышались нотки металлического холода. — А моя матушка — нувориш. У нашей семьи нет такого влияния, как у вашей. Не судите всех по себе.

Вот как, значит, между ними огромная пропасть, о которой маленький Акаши даже не мог подумать. Стало немного обидно, даже если Кирари-тян и не хотела его обидеть, но, выходит, тем, у кого нет того же влияния, как у его семьи, приходится лишь терпеть?

Его учили всегда только побеждать, и он побеждал, был лучшим во всем и всегда, а там, где есть победители, будут и проигравшие — так говорил отец. Выходит, ему, как влиятельному в будущем человеку, положено выделяться, а ей, не имеющей никакой власти...

— Чтобы никто не обиделся, не лучше ли тогда притвориться обычной? — снова мысли вслух, но девочка, кажется, слушала его внимательно. — Если от тебя отворачиваются, когда ты хорошо пишешь тесты, можно специально наделать ошибок. Притвориться слабой, когда задирают, чтобы те, кому ты нравишься, тебя защитили. Разве это не проще, чем постоянно бороться?

— Но это же будет обман, — Кирари в недоумении склонила голову на бок, но не возразила так резко, как раньше. — Разве обманывать всех вокруг правильно?

— Обманывать неправильно, но терпеть, когда издеваются, тоже неправильно, — произнес мальчик, свято уверенный в своей правоте.

Мама говорила ему, что девочек обижать нельзя и за них нужно заступаться. Сам Сейджуро не хотел лезть в девичьи споры, у Кирари-тян ведь были и свои собственные «рыцари в сияющих доспехах», она просто до этого никогда не показывала им, что является «барышней в беде».

Девочка, кажется, глубоко задумалась. Перемена тянулась бесконечно долго, в классе никого не было — после обеда младшеклассники играли и общались на улице, наслаждаясь хорошей погодой, и только они двое — девочка-куколка с покрасневшей щекой и наследник семьи Акаши, которому с другими детьми, получающими иное образование и воспитание, имеющими разительно отличающиеся от его собственных способности, сидели в помещении в полной тишине.

— Хочешь сыграть? — мальчик кивнул на доску для сеги на своей парте.

Кирири отрицательно мотнула головой:

— Я не умею в сеги. Только в шахматы.

— Тогда мы можем попросить у учителя шахматы.

Девочка кивнула головой, и двое детей направились в учительскую в поисках классного руководителя. Та, покачивая головой на покрасневшее лицо девочки, выдала им доску и фигуры, после чего отправила их обратно в класс, спросив, не хотят ли они поиграть с другими во дворе, но получили отрицательный ответ. Играли долго, и Сейджуро не потерпел поражение ни разу.

Нельзя было сказать, что Кирири играла плохо. Для мальчика эта девчонка с кукольным личиком оказалась хорошим соперником — хотя большую половину партий Акаши побеждал, остальные были сыграны вничью.

Спустя несколько недель мальчик стал свидетелем еще одной сцены с участием Куренай Кирири: златовласая девочка в черном берете, хныча из-за разбитых коленок, пряталась за спиной рослого шестиклассника, который отчитывал толкнувших ее девочек. После того, как девицы разбежались, Кирири с милой улыбкой, утирая кулачком слезы, поблагодарила семпая:

— Киририн было так страшно!

Ее нежно погладили по волосам и позвали с собой, гордо показывая карманные деньги и предлагая купить в буфете пирожное. Девочка, изобразив на лице смущение, согласилась.

После тестов Куренай Кирири, обычно среди десятки лучших учеников школы, опустилась на середину списка. Они с Акаши по-прежнему играли в шахматы вместе, когда в классе было пусто. Так продолжалось и после смерти его любимой мамы, до самого выпуска из младшей школы.

Девочка тоже поступила в Тейко.

Но к этому моменту социальная пропасть между ней, нуворишем, и им, сыном уважаемой семьи, достигла грандиозных масштабов.

Начало декабря. Стадион.

Когда отец звонил Акаши сам, не ожидая, когда сын придет домой, это не предвещало для него ничего хорошего. В прошлый раз вот так, по телефону, он сообщил сыну о его будущей помолвке, что же его звонок сулил в этот раз?

Звонок отца, естественно, никакой интересной информации, кроме того, что к нему приезжает невеста, не принёс. К этому он уже был готов — до тех пор, пока их омиай продолжается, родители с обеих сторон постараются сделать их встречи наиболее частыми, чтобы будущие потенциальные муж и жена узнали друг друга получше.

Сейджуро мог бы отказаться от этого договорного брака. У него были на это все права — более влиятельный род, чем семья невесты, и положение мужчины — слово жениха всегда весомее, чем слово невесты — но смысла в этом он не видел. Если не эта девушка, отец найдет другую. Не все ли равно, кого развлекать ему на данный момент, если, окончив школу, он все равно сможет сделать по-своему? Иногда просто нужно немного уступить.

Приезд невесты не гарантирует, что он должен будет всё время проводить с ней, этим же может заняться кто-то другой, например, из его команды. Наверняка Мибучи и остальные найдут, чем занять его дражайшую будущую жену, пока он занимается действительно важными ему делами, они не смогут отказаться. С девушкой один раз Акаши уже виделся — она хрупкая и нежная, как цветок, кажется, Рео она понравится. Вот пусть он с ней и разбирается, а Сейджуро было не до завтрашней гостыи, сегодня он хотел повидать "старых друзей".

Даже если не все ждали с ним встречи.

— Акаши, — голос Кирари, кажется, совсем не изменился со средней школы. Хотя Сейджуро почему-то думал, что она будет вместе с Кисе, а не вот так, отдельно. — Тебя не учили не опаздывать на встречи, которые сам организовал?

— О, Акаши-сан пришёл! — Анзу, слегка толкнув стоявшего рядом Мидориму, вышла вперёд. — А то я думала, что уже уходить можно.

— Извините, что заставил вас ждать, — почему-то, он так и думал, что эти девицы и в старшей школе будут сопровождать бывших игроков Тейко. Удивительно, как долго сохранились подобные случайно образованные связи.

Он сам положил этому начало. Когда узнал, что его бывшая партнер по шахматам будет учиться с ним в одной средней школе, вступив в баскетбольный клуб и пробившись в первый состав, он поговорил с тренером и капитаном, чтобы ей позволили присутствовать на тренировках с условием, что она не будет мешать. Это был своего рода акт доброжелательности — кроме шахмат их с Куренай Кирари ничего не связывало, но он хорошо знал, что так же, как и в младшей школе, она не сможет найти себе занятие, которое ее заинтересует надолго.

Весь первый класс Сейджуро наблюдал, как на почве этой постоянной скуки девушка сначала сошлась взглядами с Аомине — эти двое были словно зеркальное отражение друг друга — а после и с Хайзаки Шого.

— Дайки.

На втором году Аомине привел к ним другую девушку — свою новую одноклассницу и подругу их менеджера Момои.

Сакурамори Ханako не была для Акаши примечательной личностью, но его заинтересовал тот взгляд, которым Дайки смотрел на эту миниатюрную блондинку в больших очках — их отношения, если присмотреться, разительно отличались от отношений с Сацуки или Кирари, он относился к Сакурамори совершенно по-другому, не так, как к ним двоим, не как к

"сестренке" или "второму "я". И это заставляло Сейджуро верить, что эта девочка с глазами цвета чистых полуденных небес сможет позаботиться о Дайки и стать для него еще одним стимулом, помимо веселья, чтобы совершенствовать свои навыки.

Конечно, в итоге все обернулось не так радужно, как планировалось до этого, и все же, Сакурамори все еще была вместе с ним, с Аомине.

— Рета.

Признаться, то, что человеком, заставившим осторожную Кирари выйти за пределы того образа, который Акаши по детской наивности помог ей выстроить вокруг себя, станет Кисе Рета, было для Сейджуро полнейшей неожиданностью. После того, как во втором классе Куренай смертельно обиделась на своего бывшего партнера по шахматам, она перестала приходить в спортзал. Именно Рета стал тем человеком, ради которого она вернулась — а ведь раньше они совершенно не ладили и казалось, что не будут ладить до конца своих дней.

Время меняет людей и смягчает нравы. Признаться, Акаши был даже немного рад, что Кирари и Рета друг друга нашли.

— Шинтаро.

До комичности серьезный Мидорима и неугомонное создание по имени Анзу рядом с ним — что за прелестный дуэт. Они казались такими разными, но все равно смогли найти общий язык.

Никто не приводил ее в спортзал, Анзу сама пришла следом за Мидоримой, а после ей просто позволили остаться. Немного шумная, но никто часто не обращал на это внимание — в конце концов, среди игроков были личности и более неугомонные. Акаши не относился к девушке ни хорошо, ни плохо — они общались мало, во втором классе им посчастливилось стать одноклассниками, и лишь иногда она забавляла его своими разговорами ни о чем, заставляя удивляться: сколько же всего происходит в одной маленькой рыжей голове?

Анзу могла говорить буквально ни о чем, моментально переводя разговор с одной темы на другую в зависимости от того, какая мысль придёт рыжей на этот раз. Следить за ходом ее размышлений было совершенно бесполезно, но подобное, Акаши мог признать, очень освежало.

— Ацуши.

И его очаровательная "невеста", глядящая на парня с бескрайней нежностью.

Однажды Мурсакибара подвел Мадоку к столу, за которым первый состав баскетбольного клуба обычно обедал, и сообщил, что она теперь его жена. Долго упрямому "большому ребенку" пришлось объяснять, что пожениться они смогут только когда ему исполнится восемнадцать лет, да и знаком он с девушкой всего пару дней. Недовольно бормоча себе под нос, Ацуши в конце концов согласился назвать свою русоволосую длинноногую подругу "невестой", но все равно дулся на Акаши почти неделю — из собственной вредности.

С появлением Фудживары управляться с Мурсакибарой стало легче — всю заботу о нем девушка взяла на себя, останавливая парня, если в спорах с Куроко или Мидоримой он заходил слишком далеко, ругая, когда он просыпал еду на паркет в спортзале, объясняя, словно младенцу, что хорошо, а что — не очень. За это Сейджуро был Мадоке очень благодарен — одной проблемой для команды меньше.

Фудживара в принципе была человеком очень добрым — она любила приносить еду для ребят, даже если большая часть в конце концов доставалась Мурасакибаре, нежно заботилась о каждом в клубе и болезненно переживала любые ссоры. Это заставляло Сейджуро неким образом симпатизировать ей — добрые люди часто вызывают симпатию.

И зависть тех, кто не может стать таким же.

— И Тецуя.

Тецуя неизменно вместе со своей серой, как мышка, подружкой и еще кем-то незванным — парнем из его команды, который и на паркет ни разу не выходил за все то время, что Сейрин играли.

Акаши покосился на Кагую, та под его взглядом инстинктивно сделала шаг назад и отвела глаза, темные, как бездна. Неужели он тогда так сильно ее напугал, поставив на место? Парень же просто попросил девушку не лезть в дела команды — в его, как капитана, дела — и не поощрять бесполезную деятельность Куроко, которую он хотел пресечь. Их дружба все больше и больше казалась бессмысленной — зачем это, если Гинши просто тянет его на дно? Сила Куроко — в его незаметности. То, что он вытворяет сейчас, в конце концов приведет и его, и его команду, к безнадежному и неотвратимому краху.

Пожалуй, Момои на месте спутницы Тецуи для Акаши была бы куда предпочтительнее, чем Гинши — по крайней мере, у Сацуки есть здравый смысл.

— Рад снова вас видеть, — голос уверенный и доброжелательный. Акаши действительно был рад новой встрече со старыми товарищами и их милыми спутницами, даже с Кагуей, к которой испытывал легкую неприязнь. — И девочек тоже. Так трогательно, что все мы смогли снова встретиться. Однако, здесь присутствует кое-кто лишний.

Сейджуро опустил глаза на дрожащее существо позади Куроко и Гинши — этот парень был здесь явно не к месту. Сама Кагуя же уверенно вцепилась в шатена дрожащей рукой, скорее всего, рефлексивно, либо же и правда не хотела, чтобы это испуганное создание уходило? Какая разница, он мешал им разговаривать, а значит должен был уйти.

Однако, он не ушел, вместо этого перед глазами Акаши предстало еще одно надоедливое, явившееся без приглашения создание.

— Какой суровый, — самоуверенная ухмылка на лице и полное отсутствие манер. Кагами Тайга, новый "свет" Тецуи действительно умел портить настроение. Кто же ему разрешал смотреть свысока на капитана Поколения Чудес и говорить с ним на равных? — Мы с ним в одной команде.

Поздоровался первым, и так небрежно, как будто совсем не обучен манерам — что за плебей? Акаши медленно спустился по лестнице, игнорируя приветствие незваного гостя:

— Шинтаро, одолжи мне свои ножницы.

Анзу, стоявшая все это время рядом с Мидоримой, испуганно отошла в сторону. Вот ведь, кажется, его лицо немного ее испугало? Насколько же он выглядит страшным?

Короткое приветствие и резкий выпад вперед без замаха: рука с ножницами рассекла воздух, едва царапая щеку Кагами острым лезвием. Увернулся. Сейджуро не сомневался, что будет так, но наглеца ведь стоило немного припугнуть?

— Ты сумасшедший маньяк! — немного обидно было услышать такое от Кирари, но что поделать, она же обижалась, как малое дитя, до сих пор.

— Мне кажется, это было слишком... — где-то в стороне послышалось испуганное бормотание Мадоки. И почему она так за всех переживает, будто кому-то есть до этого парня какое-то дело: они же с ним совсем не знакомы.

Кагуя рядом, прижимаясь к Тецуе в испуге дрожит всем телом. Чуть-чуть бесит — если такая слабая духом, не нужно строить из себя невесту что, пытаться умничать и лучше бы научиться держать свой язык за зубами — иначе можно без него остаться.

— Раз у тебя такая быстрая реакция, на первый раз прощаю, — легче игнорировать отношение девочек к этой сцене, все же, представительницы прекрасного пола слишком хрупки для созерцания мужских разговоров. — Но второго раза не будет. Я ясно выразился, когда просил уйти.

Острые ножницы хорошо разрезали как кожу, так и волосы: Акаши прядь за прядью укорачивал закрывающую глаза челку, попутно объясняя, буквально разжевывая, почему не стоит переходить ему дорогу, а после, возвращая ножницы их полноправному владельцу, развернулся с намерением уйти.

— Просто хотел поздороваться с вами, — немного лукавое заявление: он мог бы заставить игроков повторить ту клятву, что они дали перед выпуском, но уже в присутствии Куроко, но в этом, кажется, не было больше необходимости, да и был ли смысл делать это в присутствии девушек? Тогда, когда давалось это обещание, они не присутствовали, ни одна из них, хотя, разумеется, каждая знает о нем — Сейджуро был уверен, что им рассказали, чтобы разделить с дорогими людьми свою решимость.

В сегодняшней игре они в очередной раз ее докажут.

Интересно, с кем же из своих дорогих друзей Акаши предстоит столкнуться в финале, до которого он, несомненно, доберется?

"Хотя подобная власть была у меня еще в детстве, в полной мере я осознал ее только в конце средней школы точно так же, как и то, что мы не сошлись с Кирари во взглядах потому, что ее мировоззрение ошибочно. Слова "никто не может решать за другого человека" — сущая глупость, весь этот мир подчинен победителям. Победа для меня всегда была похожа на дыхание и имела точно такую же необходимость. Что может знать девушка, которая, преуспевая в одном, вынуждена была с разгромом проигрывать в социальном плане? Если не можешь держаться за победу, не стоит и пытаться. Даже если это мои товарищи по команде или мой отец, мне все равно. Независимо от того, кто вы, те, кто посмел встать у меня на пути, вам не будет прощения, ведь я — победитель по жизни, а значит, всегда прав".

<http://tl.rulate.ru/book/54004/1469051>